

**Русская земля в среднем Поднепровье:
от потестарных структур к раннему государству**

На территории Среднего Поднепровья с конца IX — начала X в. выделяется несколько первичных объединений восточнославянских племен — «славинии». Это первый уровень межплеменной интеграции, позволяющий говорить о существовании вождейских структур. Указанные славинии в период 910-920-х гг. оказываются в подчинении у росов и их архонтов, взимавших со славян дань. После событий 945 г. росы от прямого сбора дани, который мало чем отличался от обычного грабежа (а иногда и являлся таковым), переходят к контролю подвластных земель при помощи системы полюдья, опирающейся на развитленную сеть погостов и становищ.

Основная задача системы полюдья состояла в изъятии и накоплении прибавочного продукта в виде даней и поборов. Накопленные ценности реализовывались росами на международных рынках (как правило, константинопольских или багдадских). Вырученные от этой реализации доходы распределялись между членами корпорации росов-руси.

Следовательно, Русская земля в Среднем Поднепровье вплоть до конца X в. может рассматриваться как потестарная структура с двухуровневой системой принятия решений — то, что в литературе называют сложным вождейством. Русская земля как вождейство представляла собой редистрибутивную систему, построенную на ксенократической основе — господстве росов-Руси над славянами-пактиотами. Следы этой двухуровневой структуры прослеживаются в сообщении Константина Багрянородного о «внутренней» и «внешней» Руси. Это упоминание породило обширную историографическую традицию. Авторы комментариев к трактату «Об управлении империей» склонны соглашаться с высказанной в свое время А. Поппэ точкой зрения о том, что «внутренняя Русия» — это земли в Среднем Поднепровье, ближайшие к империи; соответственно, под «внешней Русией» понималась отдаленная от византийских пределов Новгородская земля¹. Такой принцип выстраивания описания свидетельствует, по мнению исследователей, о следовании Константином античного принципа стратификации внутренней и внешней части описываемого региона².

Не так давно А. В. Назаренко, характеризуя термин ἡ ἔξω Ῥωσία, предположил, что оппозиционная пара «внешняя/внутренняя» (ἔξω/ἔσω), использованная Константином, обозначала не традицию античной хорографии, а местную действительность, отделяя «внутренних» росов, постоянно проживавших в Киеве, от «внешних росов», сидевших по перечисленному в трактате «крепостям»-κάστρων³.

¹ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Глава 9. Комментарии // Константин Багрянородный Об управлении империей. М., 1991. С. 308-310.

² См.: Петрухин В. Я., Шелов-Коведяев Ф. В. К методике исторической географии. «Внешняя Русия» Константина Багрянородного и античная географическая традиция // Византийский временник. 1988. Т. 49. С. 184-190.

³ См.: Назаренко А. В. Η ΕΞΩ ῬΩΣΙΑ: к политической географии Древнерусского государства середины X века // Gaudeamus igitur: Сб. статей к 60-летию А. В. Подосинова. М., 2010. С. 294-301.

Насколько справедливо такое предположение? Если попытаться локализовать указанные Константином крепости, то получается следующая картина:

Νεμογαρδάς

Новгород

Μιλίνισκα

Смоленск

Τελιούτζα

Любеч

Τζερνιῶγα

Чернигов

Βουσεγραδέ

Вышгород

Κιοάβα

Киев

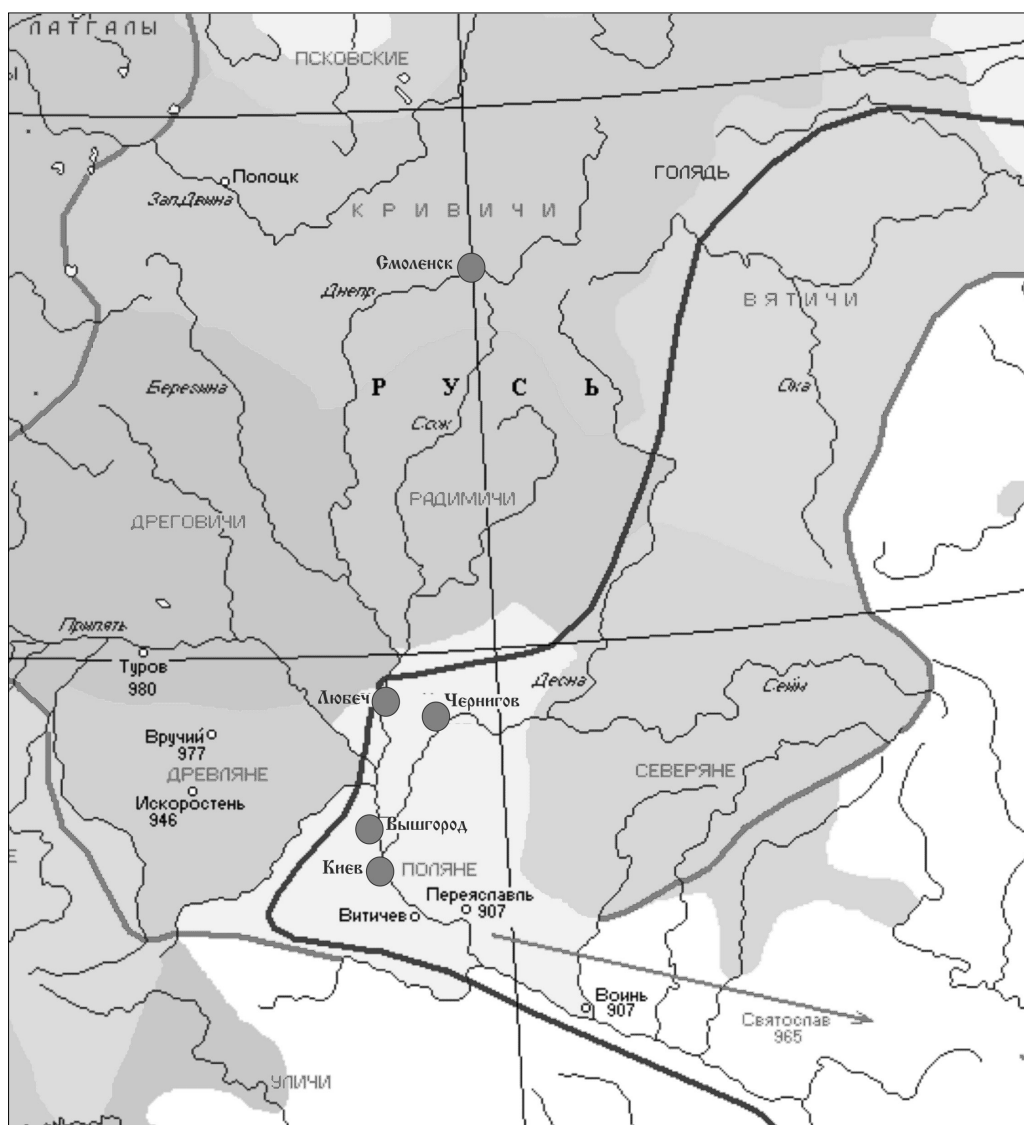

Рис. 1. Размещение крепостей росов по данным Константина Багрянородного

Картографирование этих названий дает следующую картину — все указанные города, включая Киев-Самватас, контролируют речные магистрали, сходящиеся к Киеву. Соотнесение этих данных с ареалами славянских объединений к концу IX в., очерчиваемых по распространению археологических памятников⁴, дает весьма интересный результат. Границы «внешней» Руси, очерчиваемые вышеуказанными крепостями, в целом (хотя и не полностью) совпадают с т. н. «серой зоной» вдоль Днепра, на стыке границ славянских союзов.

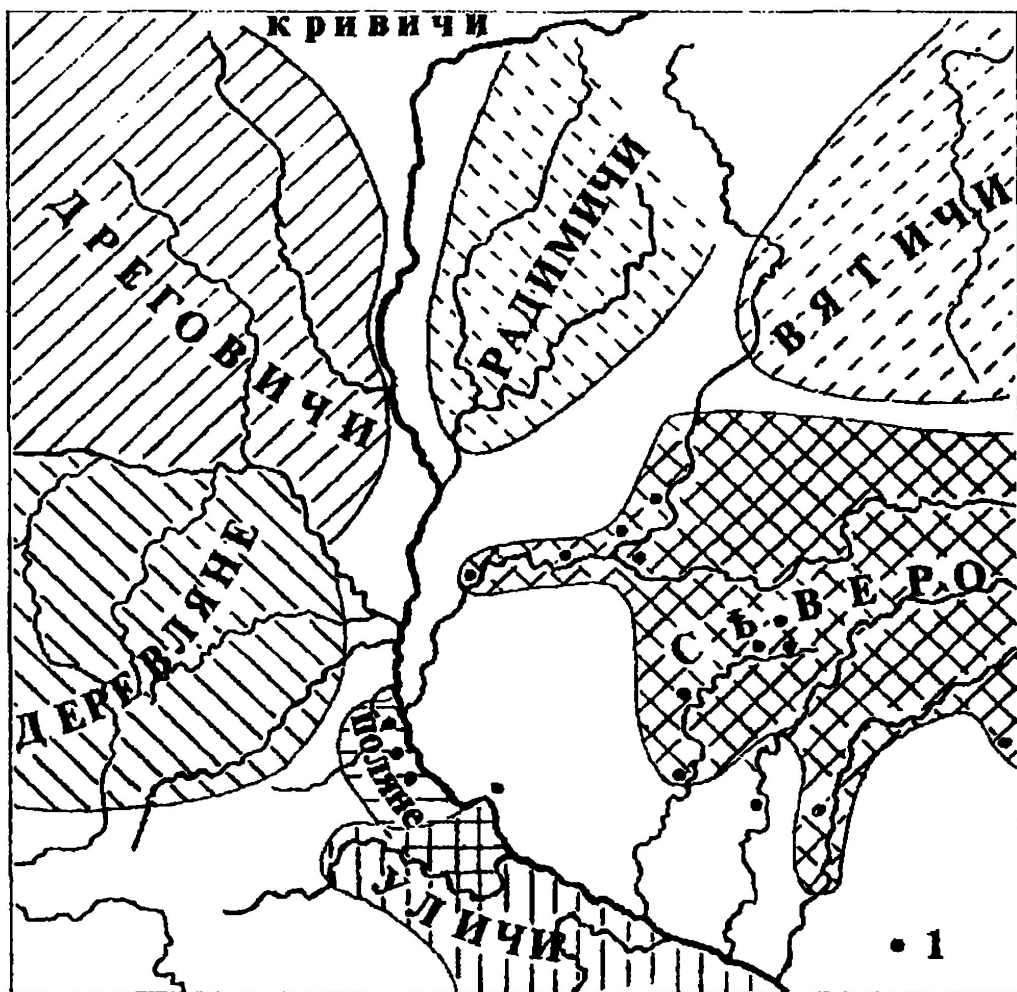

Рис. 2. Границы племенных союзов славян в конце IX в. (по А. В. Григорьеву)

Следовательно, Русία середины X в. представляет собой территориальную общность, консолидировавшуюся вокруг транзитных торговых путей и имевшую двухуровневую структуру — собственно росы и славяне, их «пактиоты» (οἱ δὲ Σκλάβοι,

⁴ Григорьев А. В. Северская земля в VIII — начале XI в. по археологическим данным. Тула, 2000. С. 185.

οί λακτιῶται)⁵. Определять такую конструкцию как государство, пусть даже раннее, на мой взгляд, неправомерно.

С какого момента вожжество начинает трансформироваться в раннее государство? Данный вопрос в специальной (политантропологической) литературе уже много лет является предметом активной дискуссии. Ряд исследователей в ходе данной дискуссии выразил сомнение в самой возможности фиксации момента превращения вожества в раннее государство.

На мой взгляд, поводов для пессимистических выводов в этом вопросе нет, это доказали многолетние исследования археолога Г. Джонсона, изучавшего становление раннего государства на Древнем Востоке (на примере Сузианы)⁶. В ходе своих разысканий Джонсон разработал методику определения уровня сложности социума. Одноили двухуровневая структура определяются исследователем как простое и сложное вожжество. На первом уровне речь идет о группе сельских поселений с одним укрепленным центром; второй уровень представлен группой первичных укрепленных центров, консолидирующихся вокруг центра регионального. Третий же уровень, когда возникает общий для ряда регионов политический центр (столица), означает, по мнению Г. Джонсона, возникновение государства⁷.

Таким образом, появление столицы является одним из определяющих маркеров государственности. Но этот маркер не единственный. К числу прочих относятся усложнение внутренней политической и территориальной структуры, а также определение государственных границ. Каков же будет результат, если эти критерии применить к анализу развития Русской земли на рубеже во второй половине X и начале XI веков?

Остановлюсь на первом маркере — появлении столицы. Когда говорится о возникновении столичного центра, то речь идет не сколько о возникновении Киева, сколько о превращении существовавшей на Подоле и киевских горах группы поселений в единый комплекс. Вплоть до конца X в. киевские поселения существовали как автономные единицы. Современные исследования показывают, что поселение на Подоле, возникшее в самом начале X в., динамично развивалось. Об этом говорит содержание выявленных в ходе исследований Подола строительных горизонтов⁸. Это вполне

⁵ См.: *Константин Багрянородный* Об управлении империей. С. 44-45.

⁶ Johnson G. A. Spatial organization of Early Uruk Settlement. *L'Archeologue de l'Iraq. Colloquess Internationale des Centre de la Recherche Scientifique*, Paris. 1980, p. 233-263.

⁷ Johnson G. A. The Changing Organization of Uruk Administration on the Susiana Plain. *From Prehistory to the Islamic Conquest*, Washington. 1987, p. 107-140.

⁸ Для сравнения — если древнейший горизонт, датируемый концом IX в., выявлен только на одном участке (сруб № 21 — Житный рынок, см.: *Гупало К. М., Толочко П. П.* Звіт про археологічні дослідження на Подолі в 1973 році // *НА ІА НАНУ*. Ф. 1973/22а. ед. хр. 7473. С. 29-30), в то время как первая половина X в. представлена девятью постройками (сруб № 7 — Красная (ныне Контрактовая) площадь (*Гупало К. М.* Звіт про розкопки на трасі Подольської лінії Київського метрополітену в 1971-1972 рр. // *НА ІА НАНУ*. Ф. 1971-1972/34д. ед. хр. 6421. С. 7); сруб № 20 — Житный рынок (*Гупало К. М., Толочко П. П.* Звіт про археологічні дослідження на Подолі в 1973 році, С. 30); срубы №№ 1-4 — ул. Верхний Вал (*Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю., Сагайдак М. А.* Отчет об археологических исследованиях Подола в 1975 г. // *НА ІА НАНУ*. Ф. 1975/25а. ед. хр. 7571. С. 5-7); срубы №№ 2-3 — ул. Нижний Вал (*Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю., Сагайдак М. А.* Археологические исследования Подола в 1974 году // *НА ІА НАНУ*. Ф. 1974/28. ед. хр. 7485. С. 6-11)). О выделении хронологических ярусов Подола на основе дендродат см.: *Сагайдак М. А.* 1) Хронология археологических комплексов Киевского Подола // *НА ІА НАНУ*. II. т. № 149. С. 90-91; 2) Давньокиївський Поділ: проблемі топографії, стратиграфії, хронології. Київ. 1991. С. 82-83.

объяснимо, потому что главным объектом киевской инфраструктуры X в. была гавань в Почайне⁹, где формировались торговые караваны для отправки в Византию.

Первоначальная резиденция киевских князей располагалась, вероятно, на Замковой горе¹⁰, а не на Старокиевской, как это пытались представить в большинстве исследований 1970-1980-х гг. Исследования, проведенные вокруг Десятинной церкви в 2005-2010 гг., показали, что древнейшие укрепления, возведенные на рубеже IX-X вв., прекратили свое функционирование и были разобраны в первой половине X в.¹¹. Вместо них на большей части территории Старокиевского плато располагается курганный могильник¹². Эта ситуация продолжает сохраняться до конца X в.

На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что вывод М. К. Каргера, к которому исследователь пришел в 1940 г.¹³, выдержал проверку временем. Попытки ряда советских и украинских историков опровергнуть это утверждение¹⁴, на сегодняшний день нельзя до конца признать убедительными. Так, П. П. Толочко, стремясь поставить под сомнение сам факт консолидации нескольких поселений, предшествовавших Киеву, писал: «О каком слиянии идет речь? О структурно-градостроительном? Но такого в силу топографических особенностей киевской территории не произошло и позднее. О политическом? Но к указанному времени Киев уже более 150 лет

⁹ См.: *Сагайдак М. А.* 1) К истории градообразования на территории Древней Руси (VI — первая половина XI века) // История русского искусства (в 22-х тт.). Т. 1. Искусство Киевской Руси IX — первая четверть XII в. М., 2007. С. 102-104; 2) Про деякі спірні питання історичної топографії ранньосередньовічного Києва // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницький, 2005. Вип. 16. С. 94-104.

¹⁰ См.: *Сагайдак М. А.* Актуальні питання зародження та формування раннього Києва // Магістеріум: Археологічні студії. Київ, 2001. Вип. 6. С. 1-16.

¹¹ См.: *Козюба В. К.* Городище на Старокиївській горі // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII-X ст. Київ, 2004. С. 139-152; *Носов Е. Н.* Тридцать лет раскопок городища: итоги и перспективы // У истоков древнерусской государственности. СПб., 2007. С. 35-36; *Михайлов К. А.* Реконструкция древнейших укреплений Старокиевского городища // Археология і давня історія України. Київ, 2010. Вип. 1. С. 314.

¹² По современной классификации, погребальные памятники Верхнего города, занимающие территорию от Старокиевской горы до Золотых ворот, объединяются под общим определением Некрополя I. Погребения, расположенные на плато Старокиевской горы, включены в курганную группу № 1, условно разделяемую на две части: часть А, занимающую территорию, прилегающую к Десятинной церкви, и часть Б, которая охватывает территорию, очерченную улицами Владимирской, Десятинной и Большой Житомирской. На сегодняшний день в группе А насчитывается 78 захоронений (7 трупосожжений, 5 захоронений в камерах, одно в большой могильной яме, 65 рядовых ингумаций). Группа Б включает в себя 24 погребения (1 кремация, 23 ингумации, из них 11 элитных). Совокупная датировка позволяет прийти к выводу, что сооружение могильных памятников начинается примерно во второй трети X в. и наиболее активно протекает в середине — второй половине X в. (*Ивакин В. Г.* Киевские погребения X в. // *Stratum plus*. 2001. № 5. С. 245, 249).

¹³ См.: *Каргер М. К.* 1) К вопросу о Киеве в VIII-IX вв. // КСИИМК. 1940. Вып. VI. С. 61-63; 2) Древний Киев. Т. 1. М.:Л., 1958. С. 112. Позднее выводы М. К. Каргера поддержал М. Ю. Брайчевский, а также В. В. Мавродин и И. Я. Фроянов, усматривавшие в слиянии предшествовавших Киеву городищ проявление общинного синойкизма, свойственного большинству раннеклассовых обществ (см.: *Брайчевский М. Ю.* Когда и как возник Киев. К., 1964. С. 119-120; *Мавродин В. В., Фроянов И. Я.* Ф. Энгельс об основных итогах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси // Вестник Ленинградского университета. № 20, Серия: История, язык, литература, 1970. Вып. 4. С. 13-14).

¹⁴ См.: *Рыбаков Б. А.* Город Кия // Вопросы истории. 1980. № 5. С. 47; *Толочко П. П.* Происхождение и ранние этапы истории древнего Киева // Новое в археологии Киева. К., 1981. С. 59.

являлся столицей Киевской Руси, объединяя все восточнославянские земли в единой государственной системе»¹⁵.

Приведенная аргументация, на мой взгляд, более чем сомнительная. Апелляция к тезису о Киеве как столице Киевской Руси еще с середины IX в. не может быть признана удачной. Само удревление восточнославянской государственности является априорным посылом, не получившим сегодня подтверждения в системе научных взглядов, а следовательно, лежит в плоскости не научных, а публицистических аргументов¹⁶.

Рассуждая о политическом центре в Среднем Поднепровье в X в., во всяком случае, во второй половине столетия, следует принимать во внимание, что это понятие связывалось с местопребыванием князя (данное положение хорошо иллюстрируется сюжетом о попытке Святослава перенести свою резиденцию из Киева на Дунай¹⁷). Подобная практика была характерна для Восточнофранкского, а затем Германского королевства X–XII вв., когда управление страной принимало форму объезда монархом своих резиденций, разбросанных по территории королевства. Эта система управления в современной европейской медиевистике получила определение *Reisekönigtum* или *Wanderkönigtum* («разъезжающая королевская власть»)¹⁸.

В условиях подобной «сецентричности» власти отпадала необходимость в политическом центре классического типа. Поэтому преобладающее значение Киева заключалось в другом: комплекс поселений на Подоле и окрестных горах располагался в ключевой точке днепровской магистрали, запирая собой весь верхнеднепровский бассейн. Это удачное положение Киева определило его значение как редиistribuтивного центра — средоточия, где концентрировалась и перераспределялась собираемая росами славянская дань.

Редиistribuтивные и военно-административные функции обусловили возвышение Киева над остальными территориями. Это обстоятельство сыграло решающую роль в том, что сыновья Святослава — вначале Ярополк, затем Владимир — выбирают Киев местом своего пребывания. За прошедшие с 945 г. тридцать лет система эксплуатации русами славян обновилась и окрепла. Концентрация в Киеве всех основных доходов, получаемых как от славянско-земледельческой, так и от военно-дружинной экономики, дала киевским правителям в руки значительные средства. Их можно было

¹⁵ Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. К., 1989. С. 148.

¹⁶ О степени аргументированности построений относительно существования Киева в эпоху VI–VIII вв. мне уже приходилось высказываться ранее, сравнение полевой археологической документации с опубликованными выводами заставляет думать о целенаправленных манипуляциях с полученными в ходе раскопок данными (см.: Котышев Д. М. Ранняя история Киева в контексте истории Восточной Европы VIII–X вв. // Труды Института Российской истории РАН. Т. 12. С. 13–28).

¹⁷ См. известие под 6477 (969): Реѣ Сѣославѣ къ мѣри своєи и къ боларомъ своимъ не любо ми єсть в Киевѣ быти хочю жити с Переяславци в Дунаи ꙗко то єсть середѣ в земли моеи ꙗко ту всѣ бѣгаѣ сходитсѣ ѿ Грекъ злато паволоки вина [и] вшошеве разноличныѣ и Щехъ же из Урогъ сребро и комони из Руси же скоро и воскъ медь и чєлад (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 67).

¹⁸ См.: Berges W. Das Reich ohne Hauptstadt. *Das Hauptstadtproblem in der Geschichte*. Tübingen, 1952. S. 1–29; Peyer H. C. *Das Reisekönigtum des Mittelalters Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. Wiesbaden, 1964. S. 1–21; Назаренко А. В. Была ли столица в Древней Руси? Некоторые сравнительно-исторические и терминологические наблюдения // Древняя Русь и славяне. Историко-филологические исследования. М., 2009. С. 103. Схожие практики были выявлены Н. Ф. Котляром на галицких материалах (см.: Котляр Н. Ф. 1) Странствующие дворы галицких князей // Восточная Европа в древности и средневековье. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен: XX Чтения памяти В. Т. Пашуто, Москва, 16–18 апр. 2008 г. М., 2008. С. 110–115; 2) Странствующие дворы галицких князей // Древнейшие государства Восточной Европы: 2009: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2001. С. 445–462.

вкладывать не только во внешнеторговую деятельность, но и в развитие собственно славяно-русского социума, его экономики и инфраструктуры.

Можно сказать, что с этого момента существовавшая в Среднем Поднепровье политическая структура начинает превращаться в мультиполитическую. Происходит переход от подчинения, основанного на взимании дани, к интеграции восточнославянских общностей в эту новую мультиполитическую структуру управления.

Немаловажную роль в деле консолидации Русской земли, превращения ее из вожества в раннее государство сыграло принятие Русью христианства. Крещение Руси, осуществленное по инициативе Владимира Святославича, на мой взгляд, следует рассматривать гораздо шире рамок религиозных и конфессиональных взаимодействий. По меткому выражению известного византиста Д. Оболенского, принятие христианства по восточному (византийскому) обряду означало включение Руси в состав «византийского содружества наций»¹⁹. Принимая крещение, Владимир не просто укреплял свою власть посредством новой религии, но и конструировал «Русскую землю» подобно Византии как христианскую державу со всеми ее атрибутами: церковной организацией, законодательством, налоговой системой и т. д.

Созданная в конце X — начале XI в. административно-территориальная структура древнерусской митрополии²⁰ стала одной из цементирующих основ «Русской земли». Мне уже приходилось писать о том, что столичный статус Киева сформировался как статус центра религиозного, а не политического²¹. Как столица Киев в эпоху Владимира Святославича формировался вокруг нового сакрального центра — возведенной посреди плато Старокиевской горы церкви Богородицы Десятинной.

Сама топография строительства была далеко не случайна — Десятинная церковь была преднамеренно построена над компактно расположенной группой знатных захоронений; при этом сами захоронения были сохранены в процессе строительства. По вполне обоснованному предположению К. А. Михайлова, «на месте строительства храма Богородицы Десятинной мог находиться родовой погребальный участок представителей киевского княжеского дома или членов рода Рюриковичей, умерших до официального принятия христианства в 988 г.»²². Все остальные постройки Старокиевской горы были возведены вокруг Десятинной церкви как планировочного центра²³. По времени своего возведения они не выходят за нижние границы сооружения храма; новейшие исследования исторического ядра «города Владимира»

¹⁹ См.: *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 211-214.

²⁰ См.: *Шапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв. М., 1989. С. 34-44.

²¹ См.: *Котышев Д. М.* «Се буди мать градомъ русскимъ»: проблема столичного статуса Киева середины XI — начала XII вв. // *Русские древности. Сб. научных статей к 75-летию проф. И. Я. Фроянова.* СПб., 2011. С. 153-163.

²² *Михайлов К. А.* Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная // *Российская археология.* 2004. № 1. С. 42. Подобному прецеденту автор статьи находит весьма убедительные параллели из погребальной практики Северной Европы в X-XI вв.

²³ Три сооружения, возведенные близ Десятинной церкви (юго-западный, юго-восточный и северо-восточный дворцы) образовывали собой определенную планировочную структуру: юго-западный дворец был своей продольной осью ориентирован параллельно поперечной оси храма, а продольные оси юго-восточного и северо-восточного дворцов пересекаются под прямым углом. По мнению Д. Д. Ёлшина, между юго-западным дворцом и западной стеной храма оставалось обширное пространство, которое может быть интерпретировано как площадь (это пространство в свое время В. А. Богусевич интерпретировал как летописный «Бабин торжок») (см.: *Ёлшин Д. Д.* Комплекс монументальных сооружений конца X в. на Старокиевской горе: археологический, историко-архитектурный и градостроительный аспекты. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. С. 154, 230, рис. 1.8; *Красовский И. С.* О плане Десятинной церкви

показали, что о монументальной архитектуре довлдимирового периода на сегодняшний день говорить не приходится²⁴.

Планировка сооружений и одновременность их возведения (во всяком случае, в пределах конца X — начала XI в.) позволяет согласиться с мнением, что «размещение в Верхнем городе комплекса монументальных сооружений было не расширением княжеского двора, а сознательным актом создания нового градостроительного центра»²⁵. «Город Владимира», как новый градостроительный центр, с одной стороны, отчетливо противопоставляется Подолу²⁶, а с другой стороны — объединяет существующие поселения в одну коммуникативную структуру.

Строительная деятельность Владимира Святославича обозначила превращение Киева из редиистрибутивного центра в центр религиозный и административно-политический не только для ближайшей округи, но и для всей Русской земли.

Появление столицы как административного и политического центра означало и изменение в территориальной структуре Русской земли. В первую очередь это касается процессов консолидации власти на подконтрольных столице территориях. В эпоху Владимира особенно отчетливо наблюдается процесс, получивший в науке несколько определений. Речь идет о так называемом «окняжении территории» — термине, рожденном советской исторической наукой, и «переносе городов» — характеристике, возникшей в начале 1980-х гг.²⁷. Указанные понятия под разными углами зрения описывают одно

в Киеве // Российская археология. 1998. № 3. С. 153, рис. 1.7; *Богусевич В. А.* Про феодальні двори Києва XI-XIII ст. // Археологія. 1957. Т. XI. С. 16).

²⁴ Когда говорят о постройках довлдимировой эпохи, обычно ссылаются на летописную статью 6453 (945) г.: «и бѣ внѣ градъ дворъ другъи идѣже еѣ дворъ Деместиковъ за стою Бѣю надъ гороу дворъ теремныи бѣ бо ту теремъ камень» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55). Степень достоверности этих топографических вставок продолжает оставаться дискуссионной, см.: *Комар А. В.* К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // *Ruthenica*. 2005. Т. IV. С. 131. Однако это обстоятельство не помешало исследователям ввести в научный оборот три постройки якобы довлдимирового времени — «капище», (открытое В. В. Хвойкой в 1908 г., см.: *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 108-110; *Килиевич С. Р.* Детинец Киева IX — первой половины XIII веков. Киев, 1982. С. 35; *Толочко П. П.* Древний Киев. Киев, 1983. С. 29; *Харламов В. А.* Исследования каменной монументальной архитектуры Киева X-XIII вв. // Археологические исследования Киева 1978-1983 гг. Киев, 1985. С. 110) а также «терем Ольги в граде» и «пантеон» (два последних памятника были открыты в 1970-е годы, см.: *Толочко П. П.* Нове у вивчені Києва // Археологія. 1978. Т. 26. С. 93; *Толочко П. П., Боровський Я. Є.* Язичницьке капище в городі Володимира // Археологія Києва. Київ, 1979. С. 3-10). Сомнения в ранней датировке указанных сооружений в литературе высказывались неоднократно (см.: *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X-XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982. С. 9; *Мюле Э.* К вопросу о начале Киева // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 120-122; *Клейн Л. С.* Воскрешение Перуна. СПб., 2004. С. 151-170); мне тоже довелось высказаться по этому поводу (см.: *Котышев Д. М.* К вопросу об интерпретации «языческого капища» в Киеве // Вестник церковной истории. 1-2 (45-46). 2017. С. 117-126). Новейшие исследования, посвященные анализу строительных материалов указанных сооружений, позволяют говорить о достаточно позднем их возведении, поскольку при сооружении выявлен ряд строительных материалов, синхронных постройке Десятинной церкви, но уже во вторичном использовании (см.: *Елшин Д. Д.* Комплекс монументальных сооружений конца X в. на Старокиевской горе. С. 178-180).

²⁵ *Елшин Д. Д.* Комплекс монументальных сооружений конца X в. на Старокиевской горе. С. 178-180.

²⁶ См.: *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX-XI вв. Л., 1985. С. 15.

²⁷ Впервые о «переносе городов» высказался В. В. Мавродин, противопоставляя старые большесемейные городища новым, феодальным (*Мавродин В. В.* Древняя и средневековая Русь. С. 128). В качестве частного случая «перенос городов» был рассмотрен Л. В. Алексеевым на примере ранней истории Полоцка и Смоленска, см.: *Алексеев Л. В.* 1) Полоцкая земля:

и то же явление — появление в землях, находившихся в сфере влияния Киева новых крепостей-поселений, являвшихся опорой киевской власти на местах.

Наглядным примером является история летописных древлян и Погорины — основной территории днепровского Правобережья, входившей в состав Русской земли. Анализ результатов многолетних исследований данных районов позволяет прийти к следующим выводам. Во-первых, структура расселения IX—X вв. представляет собой систему «гнезд поселений», расположенных в бассейнах Случи, Гуйвы, Горыни и Тетерева. Сплошное картографирование памятников, осуществленное Б. А. Звиздецким и Б. А. Прищепой, позволяет локализовать от пяти до семи таких «гнезд», отождествляемых с первичными потестарными структурами древлян и волянян²⁸. Во-вторых, на рубеже X—XI вв. возникают городища, которые являются уже не «племенными» центрами, а опорными пунктами киевской власти. Показательно, что большая часть «племенных градов» в то же самое время приходит в упадок либо прекращает свое существование²⁹. Рядом с этими городищами возникают новые центры, которые уже представляют собой не поселения, предназначенные для функционирования системы полюдья (определяемые в науке как «дружинные лагеря» или «укрепленные центры начального этапа становления Древнерусского государства»³⁰), административно-политические центры раннего государства.

Показательно, что «дружинные лагеря» на протяжении своего существования претерпевают определенные изменения. Если в первой половине X в. для этого типа поселений были характерны легкие укрепления, то во второй половине столетия ситуация меняется. На смену легким укреплениям приходят совершенно иные конструкции. Если для раннеславянских городищ VIII—X вв. и дружинных лагерей раннего времени был характерен насыпной вал и сооружение на его краю укрепления в виде частокола³¹, то сооружения дружинных лагерей отличались более сложной

Очерки истории Северной Белоруссии. М., 1966. С. 134-136; 2) Смоленская земля в IX-XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 136. Специальную работу посвятил проблеме «переноса» города И. В. Дубов (см.: Дубов И. В. К проблеме «переноса» городов Древней Руси // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы историографии. Л., 1983. С. 70-82).

²⁸ Звиздецький Б. А. Городища IX-XIII ст. на території літописних древлян. Київ, 2008. С. 134-135; Прищепя Б. А. Погоринські міста в X-XIII ст. Рівне, 2016. С. 144.

²⁹ По наблюдениям Б. А. Звиздецкого, на территории Древлянской земли выделяется 20 городищ, содержащих культурный слой IX-X вв.: Бараша, Бежов, Городец, городище на р. Церен, Грубское, Гульск, Житомир, Иванков, Коростень, Малин, Маренин, Мирополь, Новоград-Волынский, Несолонь, Овруч, Олевск, Пилиповичи, Райки, Фрузиновка (см.: Звиздецький Б. А. Про деякі особливості древлянських городищ VIII-X ст. // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII-X ст. С. 41-50, рис. 1, С. 42). Из перечисленных городищ в конце X—XI в. продолжают существовать только 5: Грубское, Иванков, Овруч, Фрузиновка и Яроповичи (см.: Звиздецький Б. А. Городища IX-XIII вв. на території літописних древлян. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1990. С. 6). Б. А. Звиздецкий, исходя из совпадения количества древлянских градов с числом «лучших» мужей в древлянском посольстве к Ольге, высказывал предположение, что «каждый из них (послов — Д. К.) представлял отдельный окольный град, которым владел местный князь. ... Древлянская земля являлась политическим образованием 20 отдельных племен-федератов» (Звиздецький Б. А. Городища IX-XIII вв. на території літописних древлян. С. 10).

³⁰ См.: Бондарь А. Н. Укрепленные пункты на территории междуречья Днепра и нижнего течения Десны в конце IX — X вв. С. 305.

³¹ Наиболее детально в Среднем Поднепровье раннеславянские оборонительные сооружения изучены раскопками городища Монастырек; конструкции рва и вала были раскрыты во время исследований 1982-1984 гг. (см.: Максимов Е. В., Петрашенко В. А., Зеленецкая І. Б. Отчет Каневской экспедиции о раскопках городища Монастырек в 1982г // НА ІА НАНУ.

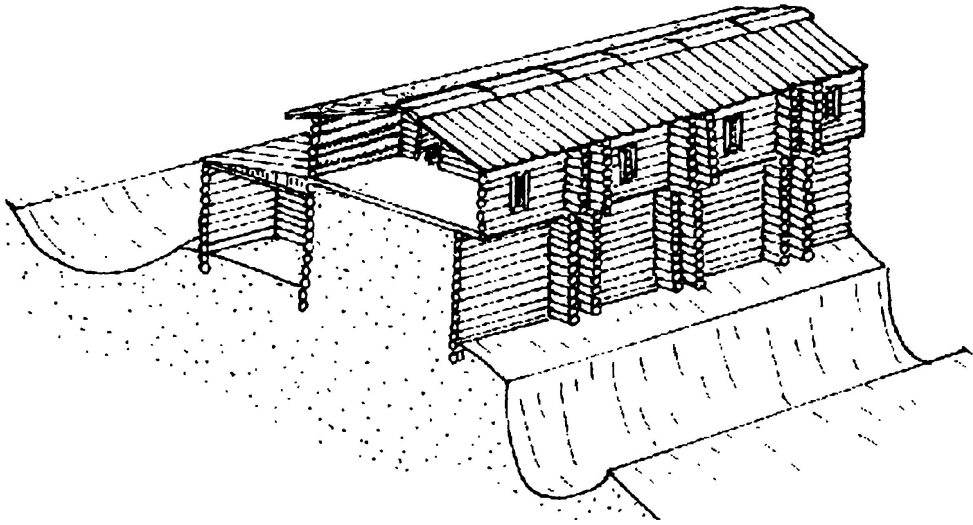

Рис. 3. Реконструкция укреплений городища Оргощ (по А. Н. Бондарю)

конструкцией. Они представляли из себя, как правило, незамкнутые трехстенные срубы (иногда встречались и полноценные бревенчатые клетки), засыпанные грунтом. Сооружения могли возводиться в несколько ярусов. Подобные конструкции прослежены при раскопках Старокиевского городища в 1908-1911 г.³², городищ Оргощ и Звеничево конца 1970 — начала 1980-х гг.³³, а также в Новгородском Рюриковом городище в 1998-2000 гг.³⁴.

Ф.е. 1982/12; *Петрашенко В. А.* Отчет Зарубинецкого отряда Днепровской древнерусской экспедиции о раскопках на городище Монастырек Каневского р-на Черкасской обл. в 1983 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1983/16а; *Максимов Е. В., Петрашенко В. А.* Отчет Зарубинецкого отряда Днестровской древнерусской экспедиции о раскопках городища у с. Монастырек Каневского р-на Черкасской обл. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1984/15). Предварительные итоги были опубликованы годом позже (см.: *Петрашенко В. А.* Городище Монастырек VIII-X вв. в свете новых исследований // *Земли Южной Руси в IX-XIV вв.* Киев, 1985. С. 71-73).

³² См.: *Козюба В. К.* Городище на Старокиевській горі. С. 141-144, рис. 4. С. 145.

³³ См.: *Коваленко В. П.* Отчет об исследованиях летописных городов на Черниговщине в 1980 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1980/52; *Коваленко В. П.* Отчет об исследованиях летописных городов на Черниговщине в 1981 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1981/31. Результаты исследований были опубликованы в начале 1990-х гг., см.: *Коваленко В. П., Моця О. П.* Летописний Оргощ // *Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі.* Суми, 1993; *Коваленко В. П., Шкун О. В., Фомін О. В.* Давньоруський Звеничів і скарб арабських дирхемів // *Археологія.* 1992. № 1. С. 60-71. А. Н. Бондарь находит определенные параллели между укреплениями Оргоща и Звеничева с планировкой и обустройством таких датских крепостей X в., как Ангерсборг, Фюркат, Треллеборг и Ноннебакен (см.: *Бондарь А. Н.* Крепости правильной геометрической формы в Дании и Южной Руси в период становления государственности // *Древняя Русь и средневековая Европа. Возникновение государств.* М., 2012. С. 19-26).

³⁴ См.: *Носов Е. Н.* Тридцать лет раскопок городища: итоги и перспективы // *У истоков русской государственности.* СПб., 2007. С. 32-34., рис. 6-7.

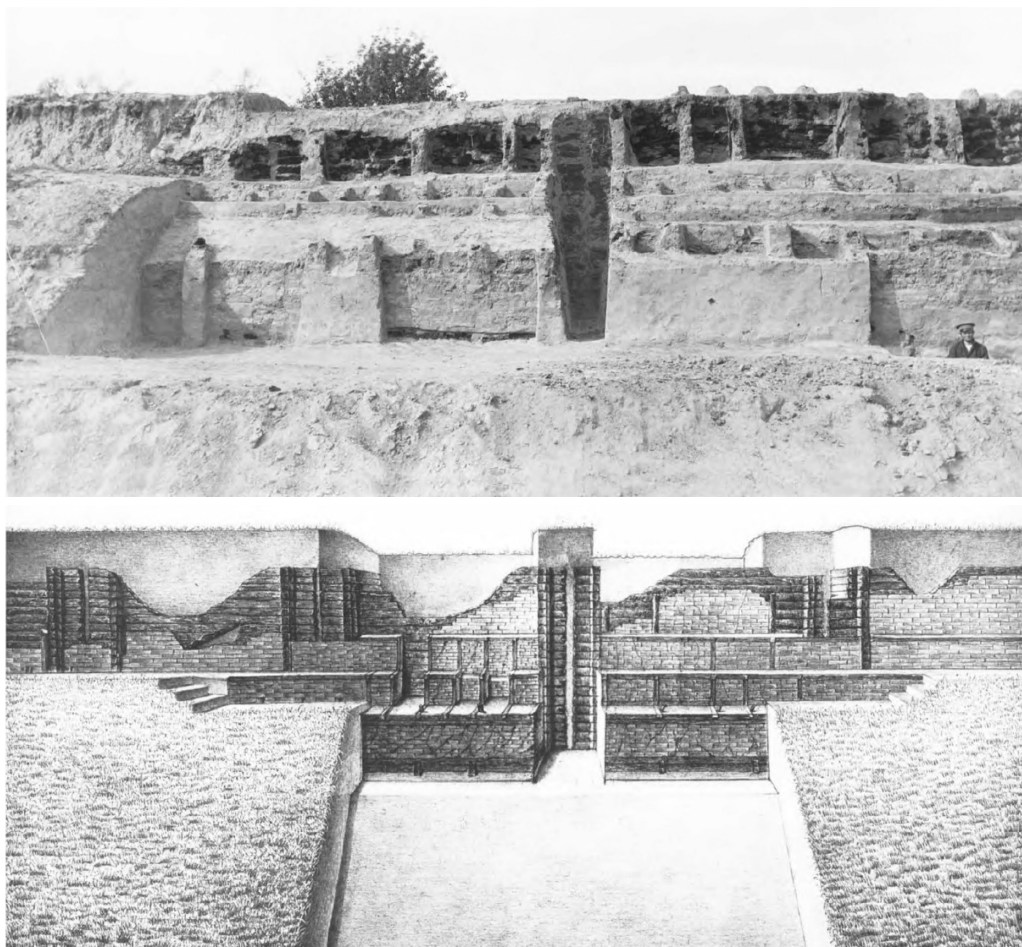

Рис. 4. Фото и графическое изображение внутренней конструкции стен валов посада Белгорода (раскопки В. В. Хвойко 1909-1910 гг.)

В последние десятилетия X в. в Среднем Поднепровье распространяется новый тип укреплений, представленных городищами Белгорода³⁵, Василева³⁶, Заречья, Переяславля Южного³⁷, Воиня³⁸, а также, предположительно, Киева³⁹. Эти укрепления

³⁵ См.: Полонская Н. Д. Археологические раскопки В. В. Хвойко 1909-1910 гг. в м. Белгородке // Труды Московского предварительного комитета по устройству XV археологического съезда. М., 1911. С. 51-53.

³⁶ См.: Малеев Ю. М. Охоронні розкопки м. Василева: (до 1000-річчя пам'ятки) // Археологія. 1984. Т. 48. С. 106-107.

³⁷ О исследованиях Заречья и Переяславля Южного см.: Ранняпорт П. А. 1) Древнерусские оборонительные конструкции с применением сырцовых кладки // КСИИМК. 1953. Вып. 52. С. 21-23; 2) Очерки по истории русского военного зодчества X-XIII вв. // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. V. С. 142.

³⁸ Довженко В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О. Древньоруське місто Воїнь. Київ, 1966. С. 26.

³⁹ Впервые о находке развалов сырцовых блоков на склонах «города Владимира» было сообщено в 1909 г. (см.: Милеев Д. В. Раскопки в Киеве в 1909 г. // Известия Археологической

представляли собой конструкцию валов в виде ряда клеток-городней, забутованных материковым суглинком; с наружной стороны клетки были укреплены мощным панцирем из горизонтальных рядов сырцовых кирпичей, плотно прилежавших к стенам клеток.

Указанная техника не имеет аналогов в оборонительных сооружениях Восточной и Северной Европы; по справедливому замечанию Ю. Ю. Моргунова, она восходит к фортификации болгаро-византийского круга⁴⁰. Узкий хронологический период бытования подобной строительной техники на Руси (конец X — начало XI в.) позволяет утверждать, что эта техника напрямую связана с активной строительной деятельностью Владимира⁴¹. Таким образом, совокупный анализ данных позволяет говорить о том, что новые строительные приемы были связаны с активной деятельностью византийских инженеров, широко привлекавшихся Владимиром Святославичем в рамках обширной программы государственного строительства.

Такой подробный экскурс в разновидности оборонительного зодчества далеко не случаен. Именно оно (наряду с другими признаками) является одним из определяющих характеристик укрепленных поселений. А на пространстве Среднего Поднепровья (в пределах Русской земли) на отрезке IX—X вв. подобных поселений существует три типа. Тип первый — раннеславянские укрепленные центры. Тип второй — центры сбора дани и полюдья («дружинные лагеря»), и наконец, тип третий — укрепленные центры эпохи ранней государственности.

Примечательный факт — если городские центры первого и второго типа на определенном хронологическом отрезке сосуществовали, то возведение «владимировых

комиссии. Приб. к вып. 32. СПб., 1909. С. 132). Более детальных публикаций не последовало, вся информация хранится в рукописных дневниках Д. В. Милеева. В свое время П. А. Раппопорт предположил, что «эти куски сырцовых кладки, на которые тогда не обратили внимания, представляли собой остатки оборонительного вала Киева конца X в.» (*Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X-XIII вв.* С. 91). Частично опубликовавший дневниковые материалы Д. В. Милеева В. К. Козюба предположил, что сырцовая вымостка является частью упавшей стеновой кладки северо-восточного дворца (см.: *Козюба В. К. Доследствия садиби Десятинної церкви у Києві в 1908-1914 рр. (за матеріалами щоденників Д. В. Милеева) // Ruthenica. Т. IV. 2005. С. 212-213*). Эту точку зрения поставил под сомнение Д. Д. Ёлшин, указав на схожесть размеров сырцового кирпича со склонов Старокиевской горы с размерами сырца из валов городищ конца X века (см.: *Ёлшин Д. Д. Комплекс монументальных сооружений конца X в. на Старокиевской горе. С. 155-160*).

⁴⁰ См.: *Моргунов Ю. Ю.* 1) Фортификация Южной Руси X-XIII вв. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2007. С. 19-20; 2) Дерево-земляные укрепления Южной Руси X-XIII вв. М., 2009. С. 75-77.

⁴¹ Исследователи обращают внимание на ряд датирующих особенностей указанной выше техники. Практически во всех случаях под сырцовой кладкой использовался фундаментообразный каркас, закрепленный вкопанными в землю столбами. Кроме того, при связывании срубов использовались крупные гвозди-костыли (см.: *Малеев Ю. Н. Применение сырцовой кладки в древнерусском военном зодчестве // Чернигов и его округа в IX-XIII вв. Чернигов, 1990. С. 52; Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X-XIII вв. С. 75, 80, 87-88, 90*). Использование кольев для уплотнения фундаментов характерно для церковных и гражданских построек эпохи Владимира Святославича — Десятинной церкви, княжеских дворцов. Исследователи архитектуры полагают, что это сугубо византийская по происхождению техника (см.: *Раппопорт П. А. Строительное производство Древней Руси (X-XIII вв.). СПб., 1994. С. 60; Оустерхаут Р. Византийские строители. М.; Киев, 2005. С. 174-175*). То же касается и использования гвоздей (гвозди, аналогичные использованным в оборонительном строительстве, встречены при раскопках северо-восточного дворца близ Десятинной церкви). Ю. Ю. Моргунов отмечает, что «скрепление срубов крупными гвоздями показывает, что руководившие стройками иноземные инженеры не владели исконно русской техникой шипового соединения венцов» (*Моргунов Ю. Ю. Дерево-земляные укрепления Южной Руси. С. 76*).

крепостей» приводит к тому, что большинство славянских племенных центров и «дружинных лагерей» перестают существовать. Как показывают археологические обследования этих городищ, в целом ряде случаев их финал был далеко не мирный⁴².

Таким образом, налицо еще один признак складывания ранней государственности, наряду с возникновением столицы — формирование новых центров власти, отражавших изменение политической и территориальной структуры. Происходит окончательный распад родовых отношений и выстраивание территориальных связей. Идет выстраивание мультиполитийной структуры — полития, выдвинувшаяся на первое место, подчиняет себе окрестные. Это находит выражение в ликвидации автономности локальных племенных союзов и подчинение их власти главной политии. Это подчинение и олицетворяли возводившиеся вблизи разрушенных племенных центров новые города, в которых пребывали представители киевской администрации. Не случайно именно в это время возникает посадничество — новый институт, не существовавший ранее конца X в.

Следует отметить, что большинство городов древнерусского времени вырастает из крепостей, основанных как раз на рубеже X—XI вв. В связи с этим нельзя пройти мимо вопроса о преемственности между древнерусскими поселениями XI—XIII вв. и предшествовавшими им славянскими городищами VIII—X вв. Одна из попыток развернуто ответить на данный вопрос была предпринята в начале 1990-х гг. И. Б. Михайловой. Развивая точку зрения, выдвинутую И. Я. Фрояновым в работе 1991 года⁴³, исследовательница решила рассматривать поселения Южной Руси как «полифункциональные средоточия жизни», т. е., административно-политические и сакральные центры⁴⁴. В Среднем Поднепровье И. Б. Михайлова выделила четыре района «гнезд поселений», отождествив их с малыми племенами. Центрами этих образований, по мнению исследовательницы, являлись Белгород, Вышгород, Витичев, Китаево, Василев⁴⁵. Дальнейшая история региона представлялась И. Б. Михайловой следующим образом: «до середины IX в. кияне добились победы в полянском племенном союзе и их город стал центром правобережного региона, ограниченного Ирпенем, Тетеревом и Росью. Укрепленные поселения других славянских племен превратились в его (т. е. Киева — Д. К.) пригороды»⁴⁶.

Достоинство подобной концепции в том, что в ней сделана попытка представить непрерывными процессы политического развития Русской земли от конца IX до начала XI в. и представить древнерусскую политию как логическое развитие славянских племенных союзов; древнерусское вече — как законного преемника славянских племенных собраний. Недостатком же этой схемы является несоответствие имеющимся фактам. Ни одно из указанных И. Б. Михайловой поселений в Среднем Поднепровье не являлось славянским племенным центром. Китаево представляло собой поселение, возведенное как «дружинный лагерь» в рамках установления росами/русами Олега и Игоря контроля за примыкавшими к Киеву территориями. Витачев как крепость был основан, вероятнее всего, во второй четверти X в. как центр, контролировавший Днепровскую

⁴² См.: Куза А. В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981. С. 6-39; Тимошук Б. А. 1) Древнерусские города Северной Буковины // Там же. С. 116-136; 2) Восточнославянская община VI-X вв. М., 1990. С. 121-123; Звиздецкий Б. А. Городища IX-XIII вв. на территории летописных древлан. С. 6.

⁴³ См.: Фроянов И. Я. К истории зарождения Русского государства // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 57-93.

⁴⁴ См.: Михайлова И. Б. Племенные центры Киевского Поднепровья // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 1993. № 1. С. 19.

⁴⁵ Там же. С. 12.

⁴⁶ Там же. С. 18.

магистраль и переправу через неё после разрушения Пересечена (отождествляемого с городищем у с. Монастырек). Культурный слой Вышгорода относится к X в.; предположение В. И. Довженка о его существовании в IX веке, на которое ссылается И. Б. Михайлова, на сегодняшний день археологически не подтвердилось⁴⁷. Белгород же и Переяславль представляют собой крепости, возведенные по инициативе Владимира в конце X века⁴⁸.

⁴⁷ На сегодняшний день тезис о возникновении Вышгорода в последней четверти IX — начале X в. (см.: *Довженко В. Й.* Про дофеодалний період в історії Русі // *Археологія.* 1952. Т. VI. С. 11), базируется на факте находок отдельных фрагментов горшков культур Лука-Райковецкая и роменская (эти фрагменты были встречены на восточном склоне центрального плато городища и на т. н. Ольжиной горе; см.: *Довженко В. Й.* Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934-1937 рр. // *Археологія.* 1950. Т. III. С. 68, 69, табл. I, рис. 1-2, 5). Древнейшее городище занимало площадь ок. 9 га (350×250 м), прослежены остатки валов, сохранившихся местами в высоту до 10 м. Датировать начальный момент существования городища достаточно сложно, однако есть некоторая уточняющая информация: во время раскопок юго-западного вала вышгородского городища выявлены остатки деревянных конструкций в виде засыпанных землей срубов. Находок, которые помогли бы уточнить датировку постройки, в засыпке срубов не выявлено (см.: *Довженко В. Й.* Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934-1937 рр. С. 80-81). Сама техника фортификации аналогична той, которая использовалась в оборонительных сооружениях Белгорода и Переяславля, что позволяет датировать ее концом X в. Материалы раскопок 1934-1937 г. на территории городища маловыразительны и дают основание говорить о существовании здесь ремесленно-жилого участка (см.: *Голубева Л. А.* «Квартал металлургов» в Вышгороде // *Славяне и Русь.* М., 1968. С. 26-30). Самая достоверно ранняя находка на городище — это исследованный в 1981 г. железодельный горн. Материалы из его заполнения, включая фрагмент стеатитового котла типа Resi 1979, Abb. 5:7 норвежского или западно-шведского изготовления (см.: *Зоценко В. Н., Пекарская Л. В.* Отчет о раскопках Вышгородского городища в 1981 г. // *НА ІА НАНУ.* Ф.е. 1981/15 (результаты частично опубликованы в: *Пекарская Л. В., Зоценко В. Н.* Археологические исследования древнерусского Вышгорода в 1979-1981 гг. // *Археологические исследования Киева 1978-1983 гг.* Киев, 1985. С. 129); *Зоценко В. Н.* Древнерусский Вышгород. Историко-археологический обзор // *Борисо-Глебский сборник.* Paris, 2009. С. 24). Материалы могильника Вышгорода указывают на середину — вторую половину X в. как на его нижнюю дату; при этом по материалам могильника прослеживается значительное скандинавское влияние (см.: *Довженко В. Й.* Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934-1937 рр. С. 90; *Зоценко В. Н.* Скандинавські старожитності Вишгороду // *Старожитності Вишгородщини. Збірка тез доповідей і повідомлень 13-ої науково-практичної конференції, присвяченої «Дню пам'яті Ярослава Мудрого», 24-25 травня 2007 р.* Вишгород, 2009. С. 58-59).

⁴⁸ В ходе исследований 1966-1975 гг. на белгородском городище удалось проследить очертания древнейшего поселения мысовой формы, ограниченного с запада р. Ирпень, а с юга — оврагом. По мнению Г. Г. Мезенцевой, это городище предшествовало крепости эпохи Владимира. Во время раскопок 1970 г. были обнаружены фрагменты лепной посуды (горшки, сковородки), которые, по мнению Г. Г. Мезенцевой, схожи с лепными сковородками Каневского поселения, Райковецкого и Новотроицкого городищ VII-IX вв. (*Мезенцева Г. Г.* Звіт про роботу Белгородської археологічної експедиції в 1970 році // *НА ІА НАНУ.* Ф.е. 1970/68. е. х. 5832. С. 16). Примечательно, что следы древнейшего городища были прослежены два года спустя — в 1972 г. Предположение Г. Г. Мезенцевой о его первоначальном характере основывалось на изучении вала на территории детинца — он не имел никаких дополнительных укреплений в виде деревянных конструкций. При этом никаких признаков культурного слоя раннеславянской эпохи на самом валу и вблизи его выявлено не было (*Мезенцева Г. Г.* Звіт про роботу Белгородської археологічної експедиції в 1972 році // *НА ІА НАНУ.* Ф.е. 1972/89. е. х. 0277. С. 14-15). В ранних публикациях мною также было высказано предположение о том, что это следы городища — общинного центра (см.: *Котышев Д. М.* 1) Белгород Киевский в XI-XII вв. // *Вестник СПбГУ.* Серия 2. 1998. Вып. 3(16). С. 23-24; 2) Киев — Белгород — Вышгород: из истории взаимоотношений города и пригородов Киевской земли // *Слов'янські обрії.* 2006. Вип. 1. С. 120). Однако

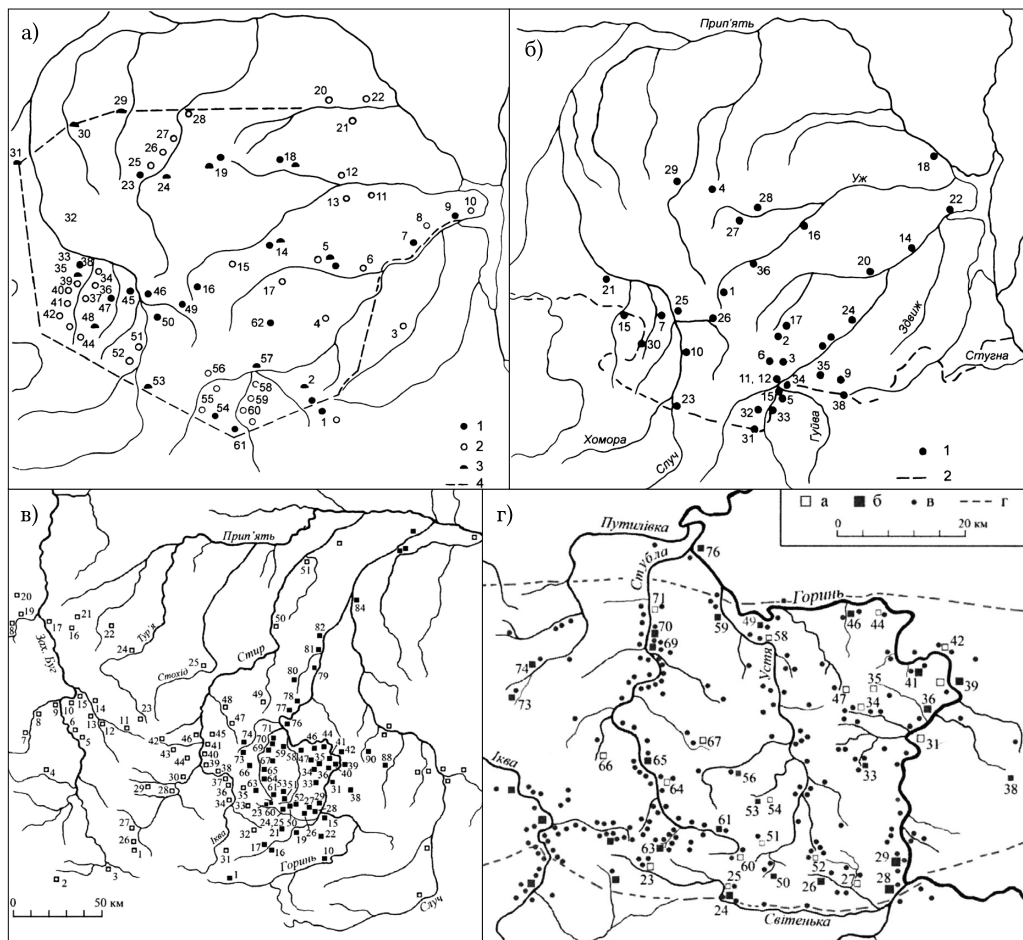

Рис. 5. Славянские памятники Правобережья Среднего Поднепровья VIII-X вв.
 а — племенная территория древлян по археологическим данным (Б. А. Звиздецкий);
 б — городища древлян IX-XIII вв. (Б. А. Звиздецкий);
 в — городища IX-X вв. в междуречье Западного Буга и Горыни (Б. А. Прищеп);
 г — поселения X в. в среднем течении р. Горынь (Б. А. Прищеп)

новейшие археологические исследования и внимательный анализ уже имеющегося вещевого материала ставит под сомнение эти предположения. Тщательный анализ керамического материала, произведенный В. Ю. Непомящих, привел исследователя к выводу, что реально материал ранее конца X века с раскопок белгородского городища отсутствует (см.: *Непомящих В. Ю. Білгород Київський (X — перша половина XIII ст.)*. Дисс. ... канд. ист. наук. Київ, 2017. С. 59-60). Выявленный с напольной стороны вал, который Г. Г. Мезенцева приписывала древнейшему славянскому городищу, не содержит никаких находок ни в насыпи, ни у основания. Материалы с его поверхности относятся к XI-XIII и XVI-XVII вв. Сам вал возведен на материковом основании, а не на поверхности культурного слоя (см.: *Мезенцева Г. Г. Звіт про роботу ... 1972 році*. С. 14.). Стоит согласиться с мнением В. Ю. Непомящих, что остатки укрепленного вала следует отнести ко времени возведения белгородской крепости довлдимирова времени, т. е. ко второй половине X в. (*Непомящих В. Ю. Білгород Київський*. С. 60-61).

Таковы реальные факты, касающиеся поселений Среднего Поднепровья на Правобережье. Аналогичная картина вырисовывается и на Левобережье, где к числу славянских племенных центров И. Б. Михайлова отнесла городища, имеющие иное происхождение и социальный статус. Есть претензии и к самому способу картографирования, когда единым рядом представляются памятники VIII—X вв.⁴⁹ Выбранный хронологический отрезок, на мой взгляд, слишком велик, чтобы в этом диапазоне можно было составить адекватную картину о возникновении и эволюции «гнезд поселений». Вероятнее всего, такой подход был обусловлен использованием материалов сводного каталога древнерусских поселений Среднего Поднепровья, где на главной карте отмечены все памятники в диапазоне от IX до XIII вв.⁵⁰ Однако в тексте каталога при этом четко указывается, к каким периодам относится то или иное городище (IX—X, X—XII или XII—XIII вв., либо является многослойным). Эту особенность учли в своих работах Б. А. Звиздецкий и Б. А. Прищепца, представив городища, датированные указанными периодами, в качестве отдельных планов⁵¹. Представленные данные, особенно по составу и размерам «гнезд поселений», значительно отличаются от той картины, которая предстает со страниц работ И. Б. Михайловой.

Проведенный разбор аргументов позволяет утверждать, что никакой генетической связи у древнерусской политической структуры со структурой потестарной (родовой эпохи) не наблюдается, во всяком случае, в пределах Русской земли.

Значительную роль в становлении Русской земли как раннего государства сыграл внешнеполитический фактор — печенежская опасность. Наличие постоянной кочевой угрозы ускорило размежевание «сфер влияния» на южных рубежах Русской земли и наметило границу, которую необходимо было укреплять. Эта необходимость нашла свое выражение в масштабном строительстве пограничных оборонительных сооружений, также затеяном Владимиром. На южном пограничье Русской земли, которое на левобережье Днепра проходило по Суле, а на правобережье — по Стугне, были возведены оборонительные линии из валов и городищ. На Левобережье была возведена одна, Посульская линия⁵²; на правобережье таких было три — Витяньско-Борбичская, Стугнинско-Ирпенская и Ирпенско-Тетеревская⁵³.

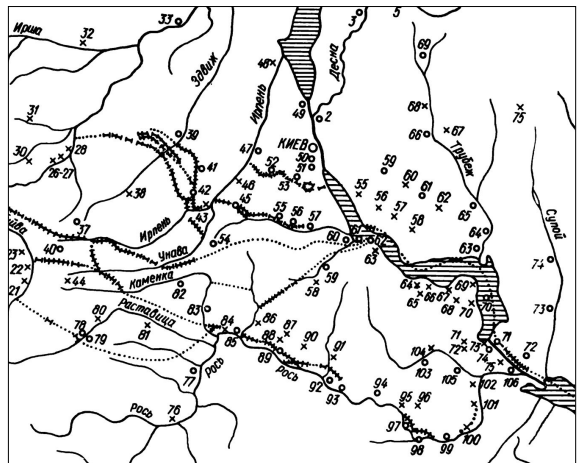

Рис. 6. Карта Змиевых валов (по М. П. Кучере)

⁴⁹ См. карту: Михайлова И. Б. Малые города Южной Руси в VIII — начале XIII века. СПб., 2010. С. 46-47.

⁵⁰ См.: Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. Киев, 1984. С. 14, рис. 2 (Карта городищ Среднего Поднепровья).

⁵¹ См.: Звиздецкий Б. А. Городища IX-XIII ст. на территории літописних древлян. С. 134, рис. 1; С. 235, рис. 2; Прищепца Б. А. Погоринські міста в X-XIII ст. Рівне, 2016. С. 144, рис. 97; С. 172, рис. 117; С. 174, рис. 118.

⁵² См.: Моргунов Ю. Ю. О пограничном строительстве Владимира Святославича на переяславском Левобережье // Российская археология. 1999. № 3. С. 69-78.

⁵³ См.: Кучера М. П. Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев, 1987. С. 78-79, 177.

Такое масштабное строительство с использованием новых приемов фортификации потребовало мобилизации значительных людских сил и материальных ресурсов. Это обстоятельство говорит о возникновении раннего государства, которое оказалось в состоянии реализовать крупные инфраструктурные проекты для защиты собственных границ и развития своей территории. Следовательно, третий признак ранней государственности — определение границ, отделяющих территорию родившегося государства от всего остального мира — также подтверждается имеющимися фактами.

Значение эпохи Владимира Святославича в становлении восточнославянской/древнерусской государственности трудно переоценить. Если в середине X в. Русская земля представляла собой территориальный анклав, консолидированный вокруг южного отрезка торгового пути «из варяг в греки», то к концу столетия она превращается в раннегосударственное образование, контролирующее континентальный торговый маршрут от низовьев Днепра до Волхова. Наиболее отчетливо рост территориальной структуры Русской земли отразился в летописном рассказе о посадении Владимиром сыновей в разных городах. Представление этой информации в табличном виде дает следующие результаты.

Новгород	Вышеслав / Ярослав
Полоцк	Изяслав
Туров	Святополк
Овруч	Святослав
Владимир (Волынский)	Всеволод
Тмутаракань	Мстислав
Ростов	Ярослав / Борис
Муром	Глеб

Географическое размещение указанных городов приводит к интересным выводам. Распределяя своих сыновей по городам, Владимир стремился упрочить контроль Киева за территориями, расположенными по оси Киев — Новгород, т. е. вдоль торгового пути из варяг в греки.

Другая ось контролируемых территорий может быть условно прочерчена направлением Волынь — Киев — Ростов. Здесь напрашиваются следующие предположения. С одной стороны, это направление условно совпадает с древнерусским отрезком торгового пути Регенсбург — Киев — Булгар. С другой стороны, посадение Владимиром сыновей в Ростове и Муроме может свидетельствовать о стремлении взять под контроль и часть Волжского пути.

На примере очерченных территорий можно видеть отличие раннего государства эпохи Владимира от предшествующего времени. Если полития начала — середины X в. В Среднем Поднепровье может быть с полным основанием охарактеризована как сегментарная полития⁵⁴, то на исходе столетия нашим глазам предстает иная картина.

Четко вырисовывается ядро нового государственного образования — та самая Русская земля в Среднем Поднепровье. Опираясь на военную силу и формирующийся институт князей-наместников, киевская администрация подчиняет Русской земле

⁵⁴ Саутхолл Э. О возникновении государств // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 131. Более подробно о сегментарных политиях см.: Southall A. The Segmentary State in Africa and Asia. *Comparative Studies in Society and History*, 1988, vol. 30, № 1, pp. 52-82.

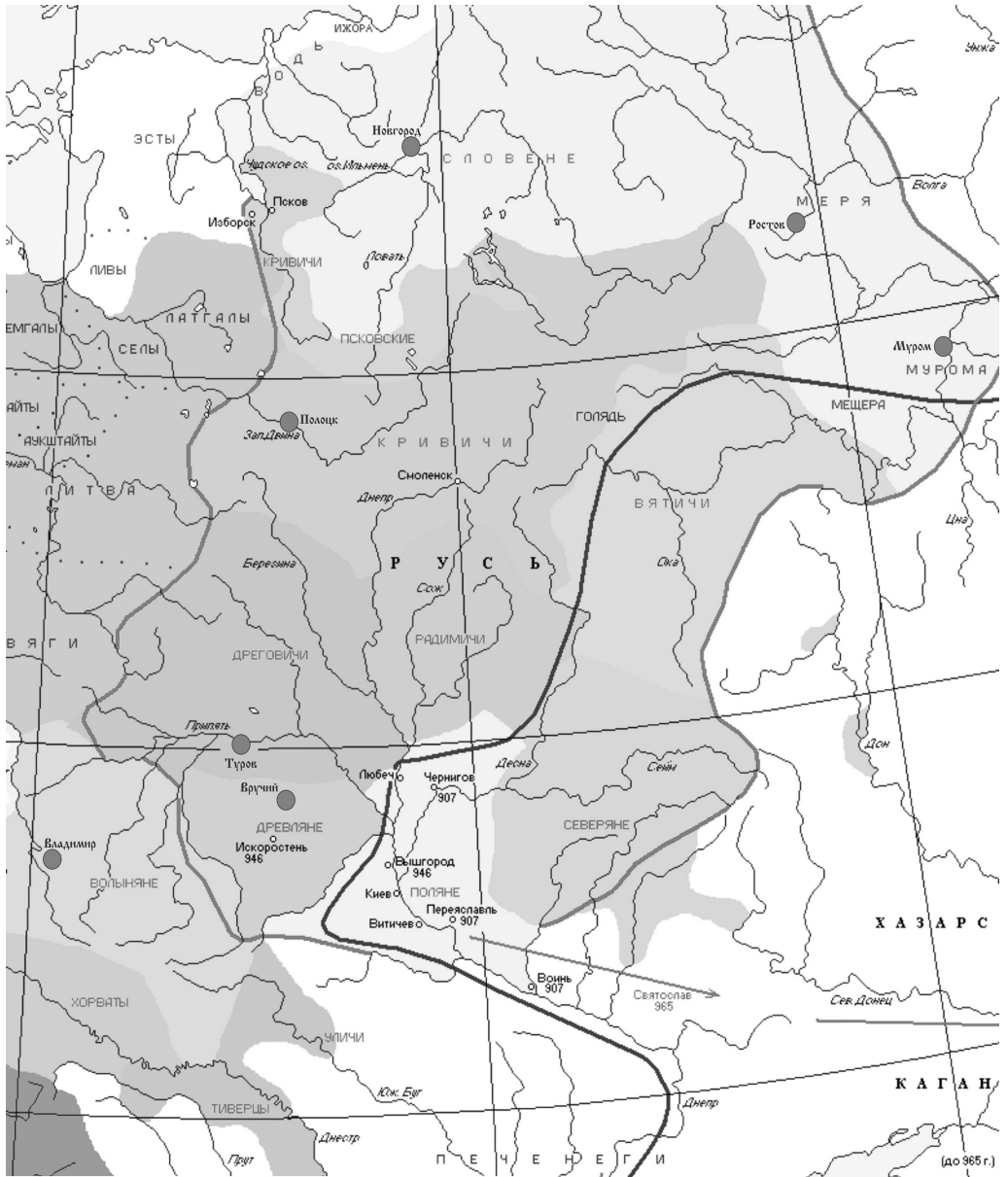

Рис. 7. Географическое размещение наследников Владимира Святославича

политии, расположенные с ней по соседству. Сама структура раннего государства эпохи Владимира состоит из двух компонентов — четко оформленного среднеднепровского ядра, очерченного несколькими оборонительными линиями, и подконтрольной этому ядру периферии. Периферия эта уже не является текучей и изменяющейся, поскольку имеет свои локальные центры власти и подчиненную этим центрам территорию.

Такую конструкцию Н. Н. Крадин определяет как мультиполитию⁵⁵, что, в принципе, довольно точно отражает ситуацию. Этот этап в развитии Русской земли можно для удобства определить как «державу Владимира» (по аналогии с определением «Державы Рюриковичей», предложенной С. В. Бахрушиным).

Особенностью возникновения «державы Владимира», на мой взгляд, является ее синтезный характер. С одной стороны, основу для формирования раннегосударственных отношений в рамках Русской земли составили политические институты и практики, характерные для государств Северной и Центральной Европы. С другой же, конструирование государственных отношений в рамках «державы Владимира» шло по византийским образцам. Используя определение П. В. Шувалова, можно сказать, что имел место своеобразный «импорт политтехнологий»⁵⁶ — усвоение восточнославянским обществом идеи и государственной модели от римско-христианского мира (в данном конкретном случае — от Византии). Наиболее показательным примером такого усвоения являются те новации в области права, которые внедрил Владимир Святославич во время своего правления.

В свое время Л. В. Милов, изучая историю древнерусского перевода Эклоги, пришел к выводу, что этот перевод был выполнен не в Болгарии, а на Руси⁵⁷. Более того, этот перевод был приурочен к деятельности Владимира по реформированию законодательства, которая отразилась в статье ПВЛ под 6504 (996) г.: «Живаше же Володимерь в страсъ Бжьи и оумножишаса [зело] разбоеве и рѣша епѣпи Володимеру се оумножишаса разбоиници почто не казниши ихъ ѡн же ре^ѣ имь боюса грѣха ѡни же рѣша юму ты поставленъ еси ѡ Ба на казнь злымъ а добрымъ на милованье достоинъ ти казнити разбоиника но со испытомъ. Володимеръ же отвергъ виры нача казнити разбоиницы»⁵⁸.

Согласно этому сообщению, вскоре после крещения Владимир Святославич при непосредственном участии епископов-греков отменяет систему судебных штрафов в виде вирных платежей. Вместо этого вводится система физических наказаний за преступления, позаимствованная из Византии. Древнерусский перевод Эклоги стал юридическим основанием этой реформы⁵⁹.

Однако, как явствует из текста статьи 6504 (996) г., отмена вир нанесла сокрушительный урон бюджету новообразованного государства: «и рѣша епѣпи и старци рать многа ѡже вира то на ѡружьи и на кони буди и ре^ѣ Володимеръ [та^к боу^д и жива^т Володимеръ] по Ѹстроенью ѡтню и дѣдно»⁶⁰. В создавшихся условиях Владимиру Святославичу и его окружению пришлось отказаться от столь радикальных преобразований и вернуться к системе штрафов-вир. Возврат к традиционным правовым практикам вызвал появление на свет Правды Ярослава как результат кодификации обычного права⁶¹. Одновременно, по мнению Л. В. Милова, происходит определенная

⁵⁵ См.: Крадин Н. Н. Политическая антропология. М., 2000. С. 146.

⁵⁶ См.: Шувалов П. В. Импорт политтехнологий и варварские государства // Восточная Европа в древности и Средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2012. С. 276-281.

⁵⁷ См.: Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1. С. 142-163.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 126-127; Милов Л. В. Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право / Ius Antiquum. 1996. № 1. С. 201-218.

⁵⁹ См.: Милов Л. В. Некоторые вопросы истории Культуры Древней Руси // Вестник Московского университета. Серия 8: история. 1986. С. 37-38.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 127.

⁶¹ См.: Милов Л. В. Византийская Эклога и «Правда Ярослава» (к рецепции византийского права на Руси) // GENNADIOΣ. К 79-летию академика Г. Г. Литаврина. М., 1999. С. 137-138.

переработка основных положений Эклоги и её адаптация к системе вир-штрафов. Итогом этой адаптации стало появление церковного Устава Владимира⁶².

Таким образом, импорт правовых (а не только политических) технологий из Византии, несмотря на всю кажущуюся неудачу, на самом деле стимулировал развитие собственного древнерусского законодательства. Появление Правды Ярослава (Древнейшей Правды) и церковного устава Владимира говорит о том, что нормы византийского права были использованы в качестве образца для кодификации обычноправовых норм, бытовавших в восточнославянской среде.

Появление писаного права — завершающий штрих к картине становления ранней государственности (вместе с возникновением письменности как таковой). К концу первого десятилетия XI в. «держава Владимира» уверенно контролировала подчиненные территории, одновременно отразив и в значительной мере нейтрализовав печенежский натиск. Дальнейшее развитие Русской земли будет определяться несколькими факторами. Среди них наиболее значимыми являются эволюция отношений внутри княжеской корпорации Рюриковичей и возрастание роли населения политий во внутривластической жизни. Однако рассмотрение этих факторов является предметом отдельного изучения.

Источники и литература

1. Алексеев Л. В. Полоцкая земля: Очерки истории Северной Белоруссии. М., 1966.
2. Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX-XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980.
3. Богусевич В. А. Про феодальні двори Києва XI-XIII ст. // Археологія. 1957. Т. XI. С. 14-20.
4. Бондарь А. Н. Крепости правильной геометрической формы в Дании и Южной Руси в период становления государственности // Древняя Русь и средневековая Европа. Возникновение государств. М., 2012. С. 19-26.
5. Бондарь А. Н. Укрепленные пункты на территории междуречья Днестра и нижнего течения Десны в конце IX-X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 300-327.
6. Брайчевский М. Ю. Когда и как возник Киев. К., 1964.
7. Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX-XI вв. Л., 1985.
8. Голубева Л. А. «Квартал металлургов» в Вышгороде // Славяне и Русь. М., 1968. С. 25-33.
9. Григорьев А. В. Северская земля в VIII — начале XI в. по археологическим данным. Тула, 2000.
10. Гупало К. М. Звіт про розкопки на траси Подольської лінії Київського метрополітену в 1971-1972 рр. // НА ІА НАНУ. Ф. 1971-1972/34д.
11. Гупало К. М., Толочко П. П. Звіт про археологічні дослідження на Подолі в 1973 році // НА ІА НАНУ. Ф. 1973/22а.
12. Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю., Сагайдак М. А. Археологические исследования Подола в 1974 году // НА ІА НАНУ. Ф. 1974/28.
13. Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю., Сагайдак М. А. Отчет об археологических исследованиях Подола в 1975 г. // НА ІА НАНУ. Ф. 1975/25а.

⁶² См.: Милов Л. В. К вопросу об истории церковного устава Владимира // Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000. С. 244-246.

14. Довженко В. Й. Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934-1937 рр. // Археологія. 1950. Т. III. С. 64-92.
15. Довженко В. Й. Про дофеодалний період в історії Русі // Археологія. 1952. Т. VI. С. 9-32.
16. Довженко В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О. Древньюоруське місто Воїнь. Київ, 1966.
17. Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. Археологическая карта. Киев, 1984.
18. Ёлшин Д. Д. Комплекс монументальных сооружений конца X в. на Старокиевской горе: археологический, историко-архитектурный и градостроительный аспекты. Дисс. ... канд. ист. наук (рукопись). СПб., 2008.
19. Звиздецкий Б. А. Городища IX-XIII вв. на территории летописных древлян. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1990.
20. Звиздецкий Б. А. Про деякі особливості древлянських городищ VIII-X ст. // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII-X ст. Київ, 2004. С. 41-50.
21. Звиздецкий Б. А. Городища IX-XIII ст. на території літописних древлян. Київ, 2008.
22. Зоценко В. Н. Древнерусский Вышгород. Историко-археологический обзор // Борисо-Глебский сборник. Paris, 2009. С. 15-56.
23. Зоценко В. Н. Скандинавські старожитності Вишгороду // Старожитності Вишгородщини. Збірка тез доповідей і повідомлень 13-ої науково-практичної конференції, присвяченої «Дню пам'яті Ярослава Мудрого» 24-25 травня 2007 р. Вишгород, 2009. С. 41-70.
24. Зоценко В. Н., Пекарская Л. В. Отчет о раскопках Вышгородского городища в 1981 г. // НА ІА НАНУ. Ф.е. 1981/15.
25. Ивакин В. Г. Киевские погребения X в. // Stratum plus. 2001. № 5. С. 244-287.
26. Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958.
27. Каргер М. К. К вопросу о Киеве в VIII-IX вв. // КСИИМК. 1940. Вып. VI.
28. Килиевич С. Р. Детинец Киева IX — первой половины XIII веков. Киев, 1982.
29. Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. СПб., 2004.
30. Коваленко В. П. Отчет об исследованиях летописных городов на Черниговщине в 1981 г. // НА ІА НАНУ. Ф.е. 1981/31.
31. Коваленко В. П. Отчет об исследованиях летописных городов на Черниговщине в 1980 г. // НА ІА НАНУ. Ф.е. 1980/52.
32. Коваленко В. П., Моця О. П. Літописний Оргощ // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі. Суми, 1993
33. Коваленко В. П., Шекун О. В., Фомін О. В. Давньоруський Звеничів и скарб арабських дирхемів // Археологія. 1992. № 1. С. 60-71.
34. Козюба В. К. Городище на Старокиївській горі // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII-X ст. Київ, 2004. С. 139-152.
35. Козюба В. К. Дослідження садиби Десятинної церкви у Києві в 1908-1914 рр. (за матеріалами щоденника Д. В. Мілеєва) // Ruthenica. Т. IV. 2005. С. 115-137.
36. Комар А. В. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Ruthenica. 2005. Т. IV. С. 169-214.
37. Константин Багрянородный Об управлении империей. М., 1991.
38. Котляр Н. Ф. Странствующие дворы галицких князей // Восточная Европа в древности и средневековье. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен: XX Чтения памяти В. Т. Пашуто, Москва, 16-18 апр. 2008 г. М., 2008. С. 110-115.
39. Котляр Н. Ф. Странствующие дворы галицких князей // Древнейшие государства Восточной Европы: 2009: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2001. С. 445-462.
40. Котышев Д. М. «Се буди мать градомъ русьскимъ»: проблема столичного статуса Киева середины XI — начала XII вв. // Русские древности. Сб. научных статей к 75-летию проф. И. Я. Фроянова. СПб., 2011. С. 153-163.

41. Котышев Д. М. Белгород Киевский в XI-XII вв. // Вестник СПбГУ. Серия 2. 1998. Вып. 3(16). С. 23-31.
42. Котышев Д. М. К вопросу об интерпретации «языческого капища» в Киеве // Вестник церковной истории. № 1-2 (45-46). 2017. С. 117-126.
43. Котышев Д. М. Киев — Белгород — Вышгород: из истории взаимоотношений города и пригородов Киевской земли // Слов'янські обрії. 2006. Вип. 1. С. 118-150.
44. Котышев Д. М. Ранняя история Киева в контексте истории Восточной Европы VIII-X вв. // Труды Института Российской истории РАН. Т. 12. М., 2014. С. 13-28.
45. Крадин Н. Н. Политическая антропология. М., 2000.
46. Красовский И. С. О плане Десятинной церкви в Киеве // Российская археология. 1998. № 3. С. 149-156.
47. Куза А. В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981. С. 6-39.
48. Кучера М. П. Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев, 1987.
49. Мавродин В. В. Древняя и средневековая Русь. СПб., 2009.
50. Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Ф. Энгельс об основных итогах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси // Вестник Ленинградского университета. № 20. Серия: История, язык, литература. 1970. Вып. 4. С. 7-15.
51. Максимов Е. В., Петрашенко В. А. Отчет Зарубинецкого отряда Днестровской древнерусской экспедиции о раскопках городища у с. Монастырек Каневского р-на Черкасской обл. // НА ІА НАНУ. Ф.е. 1984/15.
52. Максимов Е. В., Петрашенко В. А., Зеленецкая И. Б. Отчет Каневской экспедиции о раскопках городища Монастырек в 1982 г // НА ІА НАНУ. Ф.е. 1982/12.
53. Малеев Ю. Н. Применение сырцової кладки в древнерусском военном зодчестве // Чернигов и его округа в IX-XIII вв. Чернигов, 1990. С. 51-53.
54. Малеев Ю. М. Охоронні розкопки м. Василева: (до 1000-річчя пам'ятки) // Археологія. 1984. Т. 48. С. 106-107.
55. Мезенцева Г. Г. Звіт про роботу Белгородської археологічної експедиції в 1970 році // НА ІА НАНУ. Ф.е. 1970/68.
56. Мезенцева Г. Г. Звіт про роботу Белгородської археологічної експедиції в 1972 році // НА ІА НАНУ. Ф.е. 1972/89.
57. Милеев Д. В. Раскопки в Киеве в 1909 г. // Известия Археологической комиссии. Приб. к вып. 32. СПб., 1909. С. 122-134.
58. Милов Л. В. Византийская Эклога и «Правда Ярослава» (к рецепции византийского права на Руси) // ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ. К 79-летию академика Г. Г. Литаврина. М., 1999. С. 129-142.
59. Милов Л. В. К вопросу об истории церковного устава Владимира // Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000. С. 244-246.
60. Милов Л. В. Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право / Ius Antiquum. 1996. № 1. С. 201-218.
61. Милов Л. В. Некоторые вопросы истории культуры Древней Руси // Вестник Московского университета. Серия 8: история. 1986. С. 37-38.
62. Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1. С. 142-163.
63. Михайлов К. А. Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная // Российская археология. 2004. № 1. С. 35-45.
64. Михайлов К. А. Реконструкция древнейших укреплений Старокиевского городища // Археологія і давня історія України. Київ, 2010. Вип. 1. С. 308-315.
65. Михайлова И. Б. Малые города Южной Руси в VIII — начале XIII века. СПб., 2010.
66. Михайлова И. Б. Племенные центры Киевского Поднепровья // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 1993. № 1. С. 11-18.
67. Моргунов Ю. Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X-XIII вв. М., 2009.

68. *Моргунов Ю. Ю.* О пограничном строительстве Владимира Святославича на переяславском Левобережье // *Российская археология*. 1999. № 3. С. 69-78.
69. *Моргунов Ю. Ю.* Фортификация Южной Руси X-XIII вв.: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2007.
70. *Мюле Э.* К вопросу о начале Киева // *Вопросы истории*. 1989. № 4. С. 118-127.
71. *Назаренко А. В.* Η ΕΞΩ ΡΩΣΙΑ: к политической географии Древнерусского государства середины X века // *Gaudeamus igitur: Сб. статей к 60-летию А. В. Подосинова*. М., 2010. С. 294-301.
72. *Назаренко А. В.* Была ли столица в Древней Руси? Некоторые сравнительно-исторические и терминологические наблюдения // *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне. Историко-филологические исследования. М., 2009. С. 103-113.
73. *Непомящих В. Ю.* Білгород Київський (X — перша половина XIII ст.). Дисс. ... канд. ист. наук. Київ, 2017.
74. *Носов Е. Н.* Тридцать лет раскопок городища: итоги и перспективы // *У истоков древнерусской государственности (К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции)*. СПб., 2007. С. 23-58.
75. *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.
76. *Оустерхаут Р.* Византийские строители. М.; Киев, 2005.
77. *Пекарская Л. В., Зоценко В. Н.* Археологические исследования древнерусского Вышгорода в 1979-1981 гг. // *Археологические исследования Киева 1978-1983 гг.* Киев, 1985.
78. *Петрашенко В. А.* Городище Монастырек VIII-X вв. в свете новых исследований // *Земли Южной Руси в IX-XIV вв.* Киев, 1985. С. 71-84.
79. *Петрашенко В. А.* Отчет Зарубинецкого отряда Днепровской древнерусской экспедиции о раскопках на городище Монастырек Каневского р-на Черкасской обл. в 1983 г. // *НА ІА НАНУ*. Ф.е. 1983/16а.
80. *Петрухин В. Я., Шелов-Коведяев Ф. В.* К методике исторической географии. «Внешняя Россия» Константина Багрянородного и античная географическая традиция // *Византийский временник*. 1988. Т. 49. С. 184-190.
81. *Полонская Н. Д.* Археологические раскопки В. В. Хвойко 1909-1910 гг. в м. Белгородке // *Труды Московского предварительного комитета по устройству XV археологического съезда*. М., 1911. С. 51-53.
82. *Прищепя Б. А.* Погоринські міста в X-XIII ст. Рівне, 2016.
83. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
84. *Раппопорт П. А.* Древнерусские оборонительные конструкции с применением сырцово-кладки // *КСИИМК*. 1953. Вып. 52. С. 17-24.
85. *Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X-XIII вв. // *Материалы и исследования по археологии древнерусских городов*. Т. V. М.; Л., 1956.
86. *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X-XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982.
87. *Раппопорт П. А.* Строительное производство Древней Руси (X-XIII вв.). СПб., 1994.
88. *Рыбаков Б. А.* Город Кия // *Вопросы истории*. 1980. № 5. С. 31-47.
89. *Сагайдак М. А.* Актуальні питання зародження та формування раннього Києва // *Магістеріум: Археологічні студії*. Київ, 2001. Вип. 6. С. 1-16.
90. *Сагайдак М. А.* Давньокіївський Поділ: проблеми топографії, стратиграфії, хронології. Київ, 1991.
91. *Сагайдак М. А.* К истории градообразования на территории Древней Руси (VI — первая половина XI века) // *История русского искусства (в 22-х тт.)*. Т. 1. Искусство Киевской Руси IX — первая четверть XII в. М., 2007.

92. Сагайдак М. А. Про деякі спірні питання історичної топографії ранньосередньовічного Києва // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницький, 2005. Вип. 16. С. 94-104.
93. Сагайдак М. А. Хронология археологических комплексов Киевского Подола // НА ІА НАНУ. П. т. № 149.
94. Саутхолл Э. О возникновении государств // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 131-136.
95. Тимощук Б. А. Восточнославянская община VI-X вв. М., 1990.
96. Тимощук Б. А. Древнерусские города Северной Буковины // Древнерусские города. М., 1981. С. 116-136.
97. Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. К., 1989.
98. Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983.
99. Толочко П. П. Нове у вивчені Києва // Археологія. 1978. Т. 26. С. 84-100.
100. Толочко П. П. Происхождение и ранние этапы истории древнего Киева // Новое в археологии Киева. К., 1981. С. 38-78.
101. Толочко П. П., Боровський Я. Є. Язичницьке капище в городі Володимира // Археологія Києва. Київ, 1979. С. 3-10.
102. Фроянов И. Я. К истории зарождения Русского государства // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 57-93.
103. Харламов В. А. Исследования каменной монументальной архитектуры Киева X-XIII вв. // Археологические исследования Киева 1978-1983 гг. Киев, 1985. С. 106-120.
104. Шувалов П. В. Импорт политтехнологий и варварские государства // Восточная Европа в древности и Средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2012. С. 276-281.
105. Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв. М., 1989.
106. Berges W. Das Reich ohne Hauptstadt. *Das Hauptstadtproblem in der Geschichte*. Tübingen. 1952. S. 1-29.
107. Johnson G. A. Spatial organization of Early Uruk Settlement. *L'Archeologue de l'Iraq. Colloquess Internationale des Centre de la Recherche Scientifique*. Paris, 1980, p. 233-263.
108. Johnson G. A. The Changing Organization of Uruk Administration on the Susiana Plain. *From Prehistory to the Islamic Conquest*. Washington. 1987, p. 107-140.
109. Peyer H. C. *Das Reisekönigtum des Mittelalters Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. Wiesbaden. 1964. S. 1-21.
110. Southall A. The Segmentary State in Africa and Asia. *Comparative Studies in Society and History*, 1988, vol. 30, № 1, pp. 52-82.